

Ракша

Category: Goşgular, Kitapcy
написано kitapcy | 26 января, 2025
Ракша РАКША

Осенней свежести благоуханный воздух,
Всепроникающий, дарует сладкий роздых,
Балует и поит родимым молоком...
Под алебастровым и пышным потолком
Висит широкая, померкнувшая люстра.
В огромной комнате торжественно и пусто.
Квадратами блеснет дубовый, светлый пол...
Но сдвинут в малый круг многосемейный стол,
И – праздные следы исчезнувшего улья –
Расставлены вдоль стен разохшиеся стулья.

Напыщенной рукой отодвигая трость,
Щедротой царскою задабривая злость,
С мутно-зеленого холста взирает Павел...
Он Ракшу подарил и памятник поставил
В румяной красоте бесчисленных девиц;
И смотрит со стены безусых много лиц,
Сержанты гвардии, и, с Анною в алмазах,
Глядит насмешливо родоначальник Глазов.

Усердно слушает его далекий внук –
И каждый птичий писк, и деревенский звук,
И скотного двора далекое мычанье...
И снова тишина и долгое молчанье.
В осенней сырости и холоде зимы,
Равно, еще стоят, средь серой полутьмы,
Шкапы, где спутаны и мысли и форматы,
Дела военные и мирные трактаты;
Где замурованы, уснувшие вполне,
Макиавелли, Дант, и Байрон, и Вине.
Бывало, от возни, мальчишеского гама,

Сюда я уходил, – Колумб, Васко де Гама, –
В новооткрытый сад и ядов и лекарств,
Где пыль моршанская легла над пылью царств,
И человечество – то прах, то бесконечность –
Свой хрупкий сигурат бесцельно зиждет в вечность.

Разыскивая всех, разузнавая всё,
Я всё перелистал: Лукреция, Руссо,
Паскаля чистые сомненья и уроки,
Под добродетелью сокрытые пороки,
Тщеславье, что в душе сидит так глубоко
(А герцог отыскал его Ларошфуко),
И всё, что, меж войной, охотой, фимиамом,
Былые короли писали умным дамам,
Что хитрый Меттерних, скучая не у дел,
В историю вписал или не доглядел,
Бантыш и Голиков, – где Миних, где Румянцев,
И Петр молодой со сворой иностранцев, –
Мысль Чаадаева, в дыму взлетевший форт,
И комментарии, и тяжкий шаг когорт, –
Всё ум мой тешило и сладостно манило
То кровь свою пролить, то проливать чернила.
Кандида прочитав – я начинал Задиг...
Но здесь нечаянно мой дед меня настиг,
Отнял и у себя запрятал том Вольтера, –
Чтоб разум не мутил и не погасла вера.

В лес ухожу бродить, в соседние поля...
Листом орешника налипшая земля
Душистой сыростью и грязью черноземной
Волнует сердце мне. Лесистый и огромный
Простор, и в зелени не видно деревень.
Но всюду около – полынь и серый пень,
Недавних вырубок поконченное дело;
Где прежде Заповедь сияла и шумела
Могучей красотой нетронутых лесов, –
Сменили белизну березовых стволов

Осины мелкие и небо грустных тучек.
Всё на приданое своих подросших внучек, –
Потомство иногда тягчайшая из бед, –
Леса обрек свести чадолюбивый дед,
Да управляющий, с улыбкой бессердечной,
Свой собственный карман наполнил, всеконечно..
Тропинка тянется через мохнатый луг,
И носится кругом пьянящий сердце дух,
И вьются облака набухшей вереницей
Над белой церковью и белою больницей.

1913. Goşgular